

НАШЕСТВИЕ

Погибель

Алексей Наст

18+

Алексей Николаевич Наст

Погибель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31259768

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2411-0

Аннотация

"Погибель" четвертый роман тетралогии "Нашествие". Жестокий, кровавый XIII век. Монголы громят русские княжества, а после, неудержимым потоком разливаются по Европе. Воевода Семён и нойон Аян – давние добрые друзья. Но так было до войны. Теперь они непримиримые, яростные враги, и на первом месте у них личные счёты!

Тетралогия: Нашествие монголов.

<< >> >> >> >> >> >> >>

Декабрь 1237 года

...Чёрные всадники, бесчисленной колонной, выгибающей змеей, рысили, по утопающей в снегах, степи. Над недалёким березняком кружили тучи воронья, громким карканьем накликая беду.

Трескучий мороз мешал дышать. Лошади и всадники в лисьих малахаях покрылись колючим инеем. Клубы пара поднимались над войском. То тут, то там слышались гортанные выкрики, пронсящих вдоль войска, порученцев-туа-джи.

От топота сотен тысяч копыт гудела земля. Движение войска было неукротимо, не было силы, способной остановить этот страшный вал...

<< >> >> >> >> >>

Четвёртый роман тетралогии:

ПОГИБЕЛЬ

<< >> >> >> >> >>

Бату привёл к Рязани тумены Орды, Гуюка, Мунке, Кулкана, Кадана, Бори и тумен китайцев с осадными машинами. Кыпчаки Орды уже успели сцепиться с оруситами у стен, желая на их плечах ворваться в город, но бой был упорный, а, заметив князя Романа, Орда загорелся желанием захватить последнего рязанского князя, и оруситов начали мягко отеснять в поле, захлёстывая кольцом.

Бату вспоминал это и злился – кыпчаки, есть кыпчаки – рязанцы разрубили кольцо, нанеся огромный урон, и ушли на север. Орду готов был преследовать разбитые остатки оруситов до конца, но Бату отозвал тумен под стены – на севере бежавших перехватят Субедей и Берке. Но всё равно, осада началась с неудачи. Успокаивало другое – в Рязани князей нет. Может, удастся захватить город малой кровью. Он вырежет всё население, и оставит после себя пепелище. Так Чингисхан наказывал упорных тюрок во время похода на Хорезмшаха. А Бату собрался превзойти великого деда, превзойти во всём, даже в жестокости...

Стояли ветреные дни. Татары охватили Рязань кольцом. Сразу же полезли на валы, но, поняв, что драться придётся серьёзно, схлынули.

На стенах теснились защитники. Завязалась перестрелка – от воя стрел закладывало уши.

Бату отозвал тёмников и тысячников в свой шатёр. Все были предельно сосредоточены. Бату потребовал, чтобы

подготовка к штурму велась основательно, как при штурме Биляра и Булгара. Отпустив нойонов, остался один. Разум мучил вопрос: насколько упорным будет сопротивление орусутов? Первые столкновения показали, что здесь нет середины – бьются до смерти. Что ж, до смерти, значит, умрут...

Аян с тревогой следил за бурной суетой вокруг города – тумены слажено готовились к штурму. Город будет взят и разрушен. Интересно, сколько воинов сложат головы на его стенах? Глядя на ярость защитников – не мало. А он? Умрёт ли он? Последний год войны проявил в нём открытое нежелание быть живым. Он никогда не сможет отомстить за смерть единственного брата. Берке, словно в насмешку, взял его к себе, держал рядом, но рабская душа прятала мстительный порыв, рука не тянулась к сабле. Что же это? Боязнь смерти? Ведь его убьют после отмщения. Почему он не в состоянии убить Берке? Или рок – дети Чингисхана, как боги?

Аян был благодарен Бату, что тот забрал его к себе, подальше от улыбок Берке, от напоминания о своём бессилии.

А вокруг стучали топоры – согнанные с деревень орусуты рубили лес – Бату приказал окружить город и войско частоколом, чтобы никто из защитников не ушёл от ярости монголов. Другие пленники, под градом стрел, сваливали в ров снопы хвороста. Монгольские лучники прицельно били по стенам, но не долго – с отмороженными пальцами убегали к кострам. Плотники строили дощатое укрытие над тараном у

городских ворот. Китайцы устанавливали пороки, готовили камень и чурбаки, вымоченные, для тяжести, в воде, чтобы крушить стены, наполняли горшки нефтью – их будут забрасывать горящими факелами в город. Всё деловито, слаженно.

Ночью начался обстрел города из камней. Глыбы, там и тут, расшибали брёвна наружных укреплений. Начались пожары – горящая нефть делала своё дело.

За ночь, во многих местах, пленные заполнили ров, и появилась возможность подойти к стенам вплотную.

В черноте декабрьского утра, первыми на стены погнали орусотов. Кто не хотел, тех секли саблями. Крик и гвалт поднялся страшный – взбиравшиеся по лестницам орусоты молили своих позволить им забраться внутрь.

Бату с тёмниками уже наблюдали за началом штурма, и всех веселило отчаянье хашара. Ни в одной земле защитники не пускали лезущих на стены впереди врагов соплеменников – они или прекращали сопротивление, боясь причинить вред близким, оказавшимся в плену, или резали своих же, теряя силы в бесполезной рубке.

То, что случилось, сделало нойонов серьёзными – орусоты впускали своих, вручая им мечи и топоры. Эти подлые орусоты усиливались, и они, монголы, помогали им в этом!

– Прекратить! – заорал Бату. – Немедленно прекратить!

Туаджи помчались к стенам. А орусоты лезли и лезли за стены, ища спасение и кипя яростью мщения.

Монголы отогнали пленников и полезли сам, и тут же по-

летели сверху стрелы, камни, брёвна, полились кипятком и смола.

Тысячники отвели тумены на исходную. Оставшихся пленных стали рубить на глазах защитников.

Бату вытер лицо рукой – мороз давил, слез с лошади, прихрамывая (нога занемела), побрёл к шатру. Оглянувшись на нойонов, велел:

–Штурмуйте без перерыва. Мы измотаем их.

–Они положат тысячи воинов, – возмутился Гуюк. – Монголы – цвет войска, белая кость. Я пушу их в самом конце. Сейчас пусть лезут кыпчаки и тюрки.

Бату ухмыльнулся – кыпчаки основные и преданные воины улуса Джучи, хитрый Гуюк хочет ослабить Бату, и потом диктовать свои условия. Коварен сын великого хана.

–На стены посылать всех воинов, без исключения, согласно очередности! – хмуро приказал Бату.

Ни Гуюк, ни Мунке возразить не решились...

К исходу шестого дня стены просели во многих местах – пороки сделали своё дело. Бату отвёл воинов, перегруппировал – впереди шли монголы, потом кыпчаки и тюрки, и снова монголы, и снова тюрки.

К Бату примчался туаджи от Берке – тумены легко захватили Переяславль–Рязанский, взяв большой полон, город выжжен и разорён. Брат спрашивал, когда ждать подхода основного войска?

–Передашь Берке, что Рязань пала. Пусть разведает до-

рогу на север, – Бату махнул рукой, отсылая туаджи, потом оглянулся на тёмников. – Город взять. Хура, великие нойоны!

К туменам понеслись туаджи с приказом о начале штурма. Забили барабаны. Воины чёрной рекой потекли к городу. Поднялся рёв, стены наполнились движением, морозный воздух загудел тысячами стрел, но валы миновали, прижали лестницы к стенам, полезли, падали, орали от боли, от ужаса смерти и лезли, лезли, взбираясь по трупам.

Бату хищно прищурился – воины никак не могли перевалить стены, но нет, уже наверху, опрокинули, и вливаются, вливаются разящим потоком внутрь.

У ворот горячили коней всадники туменов Орды и Кулкана. Ворота распахнулись. Всё, это конец – с яростным визгом конница понеслась в город.

День набирал силу. Мороз спадал. В городе бушевали пожары, воздух наполнился зловоньем и гарью.

Бату, в окружении грязных, но весёлых тёмников и туленгитов охраны, на белом коне, въехал в Рязань. Все улицы были усеяны трупами. Где-то далеко, за домами, ещё шёл бой и избиение жителей. Во дворах рыскали воины, забирая добычу, насиловали и убивали женщин и детей, забыв лошадей, испуганно шарахающихся по улицам.

Бату проехал к детинцу. Его радовало увиденное – смерть, страх, отчаянье. У каменной церкви воины сбили в толпу одетых в чёрное священников. Отдельно стояли богато оде-

тые женщины. Из церкви несли и несли сокровища: золотые и серебряные оклады икон, кресты, сосуды, добротную утварь, то же из терема князя, сваливая в кучу посреди двора. Бату сдержал коня.

— Это орусутские служители богов, — кивнул на чёрных людей Мунке. — А то — жёны и дочери рязанских князей и мать всех князей Рязани — Агриппина. Они все, попы и женщины, заперлись в храме, и воинам пришлось выбивать дверь тараном.

— Мы не трогаем служителей богов, но рязанцы прогневили бога войны Сульдэ. Посеките их саблями, — Бату задумался. — Нет, раз им так мила их вера, закройте их в храме и сожгите. Это будет справедливо.

Бату посмотрел на тёмников.

— Я хочу, чтобы погибли все рязанцы. Пусть воины наслаждаются победой. А мои нойоны могут тешиться с женами и дочерьми рязанских князей. Что не дали добром, взяли силой!

Отъезжая к уже поставленному на городской площади у стен детинца шатру, Бату сказал:

— Я просил рязанских князей, по дружбе, привести своих жён и дочерей на потеху моим лучшим людям. Отвечали — убей нас, тогда возмёшь. Я убил их и взял.

Тёмники рассмеялись шутке.

У стен церкви разыгралась грязная сцена насилия. Самых приятных княгинь Бату с чингизидами забрали с собой в шатёр и долго пьянствовали, предаваясь оргии и разгулу, а но-

ской рати поставить заслон. Вновь к суздальским князьям понеслись из Владимира гонцы – в Ростов, Ярославль, Углич, Стародуб, Юрьев– Польский, и далеко– далеко в Новгород к Ярославу.

Во Владимире собралось ополчение с деревень по Клязьме и из Суздаля. Князь Юрий решил запереть дорогу с юга – Коломну. Прямого пути из Рязани на Владимир не было – к северу от Оки тянулись болотистые, непроходимые леса, потому татарам дорога была одна – через Коломну и Москву вниз по Клязьме.

Коломна была рязанским городом, но теперь об этом не думали. Юрий снарядил все имеющиеся силы, собранные с Владимирщины, поставив во главе старшего сына Всеволода, а для управления битвой, если такая случится, опытного Еремея. Младшему сыну Владимиру князь велел забрать всех москвичей, оставив Филиппу Нянке самую малость.

Владимирское войско двигалось быстро. В Москве Филипп Нянка неприветливо кормил и поил, отдал почти тысячное ополчение под руку Владимира, а сам остался в городе.

Когда войско подходило к Коломне, навстречу вывалил весь город – рязанцы радовались суздальцам, как избавителям. Князья Роман и Михаил Пронский были счастливы, но узнав, что это только передовые силы – пограничный заслон, чуть больше десяти тысяч, потемнели. Вместе с дружиной Романа, пришедшей из Рязани, Михаила из Пронска и опол-

чения из Лопасни, войск в Коломне собралось чуть больше пятнадцати тысяч.

— Умрём здесь, татар дальше не пустим, но мы не победим, — уверенно заявил сыновьям Юрия Роман. — Дерутся они не ахти как лихо, но ведь тьма— тьмушая, проклятых. С нашей малостью с ними не совладать. Что же Юрий всё войско не привёл? Ведь так побьют нас по частям. Как вы не понимаете?! Мы вас так ждали!

— Нет большого войска, — отрезал Всеволод. — Отец шлёт братьям гонцов, как в пустоту. Мы привели людей с Владимирчины и из Москвы. Но войско соберётся. Нам надо встать здесь грудью. Чем дольше продержимся, тем больше сил соберёт князь.

Повисла напряжённая тишина.

— А они, точно, пойдут на Суздаль? — наивно спросил Владимир.

— Пойдут, — мрачно отозвался Роман. — Точно.

Коломна была небольшим городом, потому войско поставили лагерем у стен, нарыв землянок, а лагерь укрепили невысокими ледяными валами — «надолбами».

Скоро пришли вестники из Переяславля— Рязанского — и Переяславль, и Рязань сгинули, Батыевы толпы неторопливо валят на Коломну...

Две черниговские сотни вынеслись к Пронску неожиданно, и смешались, заворачивая коней — города не было, толь-

ко чёрное, горелое пятно и морозный ветер, бивший снежной пылью в обветренные лица. Торчали остовы каменных церквей. Куда хватало глаз – мертвецы.

Князь Ингварь онемело смотрел на ужасную картину – лошадь шла сама собой, следом ехали Евпатий Коловрат, Семён и Микула.

–Поздно, – глухо вымолвил Ингварь.

Откуда-то из пустоты, из щелей землянок, полезли чёрные, напуганные люди, узнав русских, завывли в голос, бросились, встали жалкой кучкой. Ингварь не имел сил смотреть, но спросил, пряча глаза:

–Татары?

–Они, проклятые. Войско рязанское разбили, князя нашего Всеволода убили и всех князей Рязани порубили, выжгли все сёла и городки. Говорят, в Ижеславле, вообще, никого не осталось.

–А Рязань?

–Не знаем. Но с той стороны до сих пор дым валит.

Ингварь посмотрел на восток – небо было черно от дыма. Рязань горит.

–За мной!

Отряд помчался за князем.

Семён думал, что скоро они налетят на татар, и он будет рубить своим мечом людей с раскосыми глазами, убивать, лишать жизни. Цела ли Рязань? Встал образ Натальи, и сердце испугано ёкнуло – он увидит её. Сразу представил белый

труп, присыпанный снегом, с устремлённым в небо мутным, потухшим взглядом. По телу пробежал озноб. Конечно, он найдёт её живой. Или не найдёт, приняв смерть до встречи.

Ночевали на берегу Прони, жгли костры не таясь. Ингварь выставил караулы. Спали в еловых шалашах чутко – татары могли быть совсем рядом. Но тишина пугала – большое войско они почувствовали бы издалека.

Утро сдавило морозом. Лошади, все в инее, понесли, согреваясь на скаку. Отряд вышел в поле. Впереди не было города – чёрное горелое пятно, куда хватало глаз. Ингварь погнал коня. Остальные тоже припустили. В поле пошли трупы русских и татар, лошадей, а вот и место татарского лагеря, кучи смёрзшихся трупов рязанцев, валы, чёрные головы бревенчатых стен. В город въехали не спеша – куда хватало глаз, было пепелище, и среди груды горелых останков чернели каменными склепами остовы церквей и монастыря. Сердце превратилось в камень – оно не билось, и не падало в живот, оно заглохло. Было слышно, как цокают копыта по земляной корке.

Князь Ингварь свернул к детинцу, отряд разбрёлся по пепелищу – везде мёртвые, мертвые, истерзанные мертвецы. Вот места массовых казней. С крутого берега открылась река со свежими замёрзшими прорубями и вледенелыми телами рязанцев. Чёрная кровь. Стаи отъевшихся собак шарахались от всадников. Появились живые – хмурые мужчины, молчаливые, с впалыми глазами, укутанные в тряпье, женщины,

потрясённые дети. Они выжили, потому что, придя из недалёких сёл, умудрились бежать в лес, а не спрятались за городскими стенами, до того, как татары обнесли округу бревенчатым тыном. В Рязани сгинули все.

Семён поворотил коня – Наталья здесь, где-то под обгорелыми обломками, истерзанная и мёртвая.

У стен сгоревшей церкви топтались кони, дружинники искали трупы княгинь. Князь Ингварь стоял на коленях и плакал, и их приносили, голых, с ровными, рубленными ранами, и укладывали в ряд на землю, потом накрыли тряпьем.

Евпатий, стиснув губы, сжимал рукоятку меча. Он готов был рыдать вместе с князем.

– Бить их надо! Резать! – крикнул он, по-детски, звонко.

– Слышь, воевода, – склонился к нему с коня Микула. – Тут мужиков деревенских полно, надо бы вооружить.

Евпатий вскочил в седло, погнал из города. Стены и валы были усеяны трупами в несколько слоёв.

Как только весть о сборе разнеслась по пепелищу, к Евпатию пошли мужчины, все с оружием, кто в кольчуге, кто в шлеме, многие с лошадьми. Вокруг города лошадей бродило в избытке – во время штурма, потеряв седоков, они убежали в леса, а теперь вышли к пепелищу.

Князь Ингварь, словно помутясь рассудком, выл в голос, и не о чём не хотел слышать.

С ним оставили сотню дружинников. Евпатий разделил отряд на сотни – семнадцать сотен. Тысяча семьсот человек.

Пятьсот отдал под начало Семёна, пятьсот – Микуле.

–Мы не можем отпустить их просто так, – сказал хмурым воинам.

В тот же день, двинулись искать татар к Переяславлю– Рязанскому. Ехали быстро. Стемнело. Семён и Микула ночевали у одного костра. Семён был потрясён увиденным и подавлен – Натальи нет. Как странно. Он целовал её, он любил её, а теперь её нет, а она моложе его, много моложе. Были ли у неё дети? И увидит ли он своих? Наверное, нет – рязанцы знали, что едут принять смерть, продать свои жизни, как можно дороже.

Микула был задумчив, часто подкладывал в костёр сучья, грел руки, потом стал в кувшине кипятить воду.

–Видишь, какая судьба, воевода, – сказал Семён.

–Я воевода? – спросил Микула, не удивляясь.

–Да. Я – полтысячник, и ты – полтысячник.

–Мне воеводство не нужно, Семён.

–Ради чего же ты живёшь?

–Думаю, жить осталось не долго. А?

–Ты прав, не долго.

Семён вспомнил, как евпатий хотел их оставить с Ингварем в Рязани, но Микула сам вызвался ехать на татар. Странно. Семён всегда считал Микулу недалёким увальнем, счастливым, когда есть много еды, тепло, выпивка и смазливая бабёнка. А тут – знал, что впереди смерть, а вызвался сам. И он, Семён, он ведь тоже знал, и тоже молчаливо принял

под руку полтысячи воинов, и ведёт их на смерть. Что же? Оказывается, он прожил столько лет, и не знает ни себя, ни других. В чем же тогда был смысл его жизни? Никчемно прожил. Только кто в этом виноват – он или судьба?

На месте Переяславля– Рязанского нашли выжженное пепелище, усеянное трупами.

От Переяславля ушли от реки по рыхлому, превращенному в месиво проходившим войском, снегу к Ростиславлю. Через день впереди стал слышен ясно различимый многотысячный гомон – татары.

Евпатий развернул отряд в три колонны, и рязанцы пустили коней вскачь, выхватывая мечи.

Впереди показались шатры, табуны лошадей, холмами, лежащие в ряд, увешанные тюками, двугорбые верблюды.

Первыми заметили мчащиеся сотни скопища пленников, поднявшие гвалт и рванувшие во все стороны.

Семён уже мчался по обезумевшему стану, из ветра выхватывались лошадиные морды, губастые верблюды, визжащие бабы, падающие на колени, и он, в малахае, скривившийся в ужасе, выставив вперёд саблю, без лошади. Жах! Рука дёрнулась в ударе о твёрдое, и меч, сам собой взлетел вверх для нового удара, весь в крови. С почином!

Дальше он рубил бегущих, орущих в панике, безлошадных татар, не думая...

Бату чуть не расплескал горячий чай, когда в шатёр вле-

тел перепуганный туленгит и, рухнув на колени, прошептал в ужасе:

—Орусуты ожили!

Бату переглянулся с Берке и Орду, бывшими здесь же, поставил пиалу на дастархан.

—Что ты мелешь?

—Рязанское войско, хан. Они ударили сзади, разбили обоз, отпустили хашар, рубят воинов. Наших легло без счёту!

—Там камнемёты! — первым пришёл в себя Берке.

Бату нахмурился — если орусуты разобьют сложные китайские машины, он не сможет взять укреплённых городов. Тут же зыркнул на Орду.

—Кто их охраняет?

—Тысяча Хостоврула.

—Дай ему полтумена. За осадные орудия он ответит головой. И выясните, что это за загадочные орусуты? В тылу не должно было остаться никого.

Он раздосадовано встал, стал одевать пояс с саблей и агыштинским кинжалом.

—Коня! Придётся ехать.

Далеко в тылу стоял жуткий ор. Бату нетерпеливо вскочил в седло, заметил Аяна:

—Пошли туаджи к тёмникам, пусть войско выступает, не дожидаясь. Тут сами разберёмся.

Из обоза прилетели вестники — порублено верблюдов, разогнано лошадей из запасных табунов — не счесть, Хосто-

врул потерял большую часть своей тысячи и держит оборону у пороков из последних сил.

Когда Бату с братьями прискакали к орудиям, в деле уже был тумен кыпчаков Бурундая. Хостоврул зарублен. Пятеро пленных рязанцев рассказали, что они из отряда рязанского вотчинника Евпатия Коловрата, в отряде тысяча семьсот воинов.

– Уже меньше, – заметил Бурундай. – Около полутысячи, но и крошат они наших.словно злые духи.

– Воинов жалко, – сказал Берке.

– Хотел бы я иметь таких багатуров у себя, – хмуро отозвался Бату. Он-то рассчитывал, что Рязань усмирена, что здесь потерь больше не будет. Если так пойдёт дальше, ему не хватит сил, чтобы осуществить задуманное. Чингисхан лишал врагов мужества своей жестокостью, но тут жестокость натолкнулась на безмерное упорство. Не такой ему виделась война. Не такой.

Тумен сжал орусотов кольцом. Монголов и русских разделяло пространство, усеянное трупами в несколько слоёв. Подобной битвы Бату не видел давно.

– Пытались выбить их лучниками, мороз проклятый, все руки пообморозили, да и в кольчугах большинство, не пробьёшь, – пояснил Бурундай.

– Волоките пороки, закидаем их камнями. И предложите им сдаться в обмен на жизнь.

Бой прекратился. Орусуты сбились в тесный клин, гото-

вые к обороне. Сдаваться они отказались.

Крича и ругаясь, воины вручную приволокли камнемёты, китайцы начали методичный обстрел. Каждый камень делал своё дело – орусуты падали, падали и, когда их осталось совсем немного, Бату пустил пеших воинов.

После недолгой рубки, всё кончилось.

–Найдите тело Евпатия. Я уважаю багатуров, – сказал Бату.

К нему подъехали тёмники. Бату посмотрел на них, не понимая – они должны были вести тумены на север. Гуюк, хмыляясь, присвистнул:

–Наворотили...

–Я ясно приказал, чтобы войско двигалось.

–Мы подумали, вдруг здесь большая рубка, – заскрипел простуженным горлом старик Субедей.

К Бату привели с десятков качающихся, избитых орусутов. На снег опустили тело Евпатия.

Бату оглядел пленных, долго всматривался в лицо погибшего рязанского воеводы.

–Если бы у меня были такие багатуры. Похороните его по своему обычаю, отважные воины, – Бату хмыкнул. Стоит ли разыгрывать великодушие? Он уважал храбрость и преданность. Он страстно желал иметь таких же преданных нойонов и багатуров, как лежавший на снегу орусут. А есть ли такие? Он враждебно оглядел ехидных тёмников, встретился с глазами Аяна – стал очень скрытен, раньше другим был

(влияние Берке).

—Я отпускаю вас, орусутские багатуры. Идите и живите! Никто не причинит вам вреда!

Аян сидел в седле, позади тёмников, всматривался в плененных орусутов и узнавал двоих, с которыми общался в Руме и Трапезунде — Микула и Семён, кажется. Сразу встал образ брата Чиена. Чиен тогда был сосредоточен, мирил вспышки гнева болвана Тумея. Берке обещал Аяну, что Чиен станет правой рукой Аяна в посольских делах, а сам натешился женой младшего брата и убил её руками других. Брат умер от яда.

Аян сжал лицо руками. Если он скажет, что Семён был воеводой в Южном Переяславле и во Владимире, Бату его не отпустит. Он не скажет — может, этот орусут чудом подстрелит Берке в очередной схватке? Если бы так!

Орусуты, взвалив на плечи тело Евпатия, побрели прочь. Один всё оглядывался...

Семён думал, что ему кажется, но когда монгол стал прятать лицо, понял — это Аян. Ненависть резанула сердце — как он изошрялся, изображая себя другом! Собака! Он уже тогда знал, что монголы придут на Русь, будут резать, грабить, насиловать.

Семён толкнул Микулу.

—Ну, чего?

—Там Аян. Гляди.

чищ. А он, униженный отцом, прогневавшимся на мать Кулкана Хулан, остался ни с чем.

Он был ещё очень мал, когда умер отец, и не мог постоять за себя, не мог попросить себе улуса, как Джучи, Чагатай, Тулуй, Угедэй. Теперь под его рукой растрёпанный полутумен, и движается он в авангарде – внуки детей Борте прикрываются им, как щитом. Что ж, он покажет им, кто он и кто они!

Полутумен миновал впадение речки Осётр в Оку и, по льду Оки, вышел к Коломне.

Кулкан опешил – у укреплённого города раскинулся обширный лагерь орусутского войска. Надо было уходить, но его тысячи шли вперед, и навстречу уже выносилась орусутская конница.

–Вперёд! Вперёд, братки! – кричал Роман, горяча коня. – Это дозоры. Этих мы расшибём!

Тысяча за тысячей, русская конница выезжала из-за надолбов, устремляясь на врага. Татары попятились, но уйти им не дали – завязалась рубка. Татар охватили, сминая, но они рубились крепко. Русские силы прибывали. Вон и москвичи, и суздальцы. Во многих местах русские опрокинули ряды татарской конницы, прорубились в тыл, и пошли бить взад и в бок.

Кулкан ошарашено выпучил глаза, выдернул саблю из ножен, но сзади налетели русские всадники. Рубка, погоня, хаос, крики. Он оглянулся, встретившись с голубыми глазами,

холодными от ненависти. Удар отбить было невозможно – сталь меча разрубила его сердце...

Поле перед городом кипело битвой – татары были вырублены под корень, но уже неслись новые тысячи, из далёкого далека заливаясь визгом:

–Хур-р-ра-а-а-а!!!

Русские не перестроились, попятились, и конная лавина врезалась, рубя, рубя, гоня, умирая и сея смерть, и упёрлась в надолбы, и отхлынула, оставляя трупы – пешие владимирцы отбили натиск туменов Гуюка и Бори, но уже неслись тумены Мунке и Байдара...

Рязанские дружинники понуро положили перед перепуганным Всеволодом тело погибшего князя Романа. Ни брата Владимира, ни Еремея рядом не было – на надолбах шла упорная битва. Он оглянулся на город – из ворот валили вооружённые чем попало смерды, чтобы помочь изнемогающему войску в рубке с превосходящими силами.

Татар было уже так много, что сдержать их на надолбах оказалось невозможно – русские, вдруг, превратились из воинов в безумную, испуганную толпу, ринувшуюся к спасительным воротам Коломны.

Всеволод понял, что отход в город – смерть.

–Суздальцы, уходи в лес!

Он вскочил в седло и, нахлестывая коня, помчался по льду через Москву-реку, а его обгоняли, обгоняли верхокон-

ные. Все спешили к спасительным зарослям ельника и березняка.

Евмен, в потоке отступающих, вбежал в Коломну, полез на стену и ужаснулся – татар, на сколько хватало глаз, прибывало, обтекая город, а разбитое войско уходило, кто за Москву-реку, кто в леса на западе.

Ворота Коломны захлопнулись. Татары оказались под стенами...

<< >> >> >> >> >> >>

Через несколько дней Семён и Микула выехали к Владимиру. Сердце сжалось болью – вот он, город счастливого прошлого. Микула ухмылялся. Всю дорогу он твердил, что Пётр Ослядюкович прямиком отправит их в княжеские подвалы. Семён вспомнил, как Микула влепил воеводе при последнем свидании, и засмеялся.

В городе было тревожно. Бросилось в глаза скопление войска – на городской площади стояли лагерем ополченцы из суздальских деревень, во дворах усадеб тоже были излишне оживлённо. Без конца свозились к княжеским амбарам мешки с зерном, возы мороженной рыбы, огромные копны сена и соломы. Город готовился к войне.

В детинец их не пустили. Семён не стал ругаться, повернул коня к усадьбе своего отца. У запертых ворот спешились. Микула требовательно застучал. Собаки подняли лай. Вы-

глянул суровый холоп и осекся, увидев Семёна. Оттолкнув его, Семён с Микулой вошли на двор. Кинувшиеся собаки, вдруг, признали, завили хвостами, заскулили.

—Собаченьки, — смягчился Семён, глядя на преданных псов. Вспомнил каждого ещё щенком.

—Кто там, Архип?

Семён поднял голову и встретился с глазами Натальи.

—Ты?! — её сердце упало.

Он стоял оглушённый — она! Живая и такая, до боли, красивая. Он не мог дышать, переполненный болью радости и облегчения.

—Живой! Родной мой!

Наталья стремглав сбежала по ступенькам крыльца, и бросилась в его объятия. Семён сжал её изо всех сил. Их губы встретились. Всё завертелось, выбрасывая время назад, рухнуло, освобождая томившуюся страсть, сплетая не угасавшую никогда любовь в этом страстном, долгом, тягучем, как замерзающая кровь, поцелуе...

Евмен подавился. Ужасная боль стиснула его горло. Стрела пробила шею, холодное древко разорвало плоть. Он захлебнулся кровью. Меч ударил чьё-то лицо. Вот он на надолбах, скачет за разгорячённым Романом, бег лошадей, звуки татарского войска, выходящего на поле, крик Юрия Рязанского: «На врага!», слёзы Натальи, он никогда не увидит её, «Люблю! Люблю тебя!», отец, свадьба, я был трусливым

мальчиком, мама, какое милое лицо, первый голод, хочется есть, о, наконец, грудь матери. Крик, его первый крик.

Он перегнулся вперед через частокол стены. Татары лезли, лезли, сливаясь в один поток, в копошащуюся массу. И темнота.

Он полетел вниз, в холодную, чёрную бездну смерти...

Микула и Семён, уже в темноте, подъехали к воротам де-тинца.

—Кто такие? — остановил дружинник.

—Слуги князя Юрия, воеводы Семён и Микула.

—Не знаю таких.

—Зови начальника караула, мы из Рязани.

К воротам вышел сонный Ванька. Увидев сгинувших друзей, присел, хлопнув себя по ягодицам.

—Ха-ха! Семён! Микула! Братцы!

—Здорово, чертяка.

Семён обнял Ваньку, такого родного, из далёкого прошлого. Он обрёл Наталью, он нашёл друга. Как давно не был он во Владимире, как хорошо ему здесь. Кажется, жизнь начинает возвращаться, наполняя его силой желаний, стремлением к будущему.

Ванька обхватил Микулу, покачал головой.

—Здоровый боров. Хорошие харчи у князя Михаила!?

—Нормальные, — усмехнулся Микула.

—Ну, пойдёмте. К князю? — Ванька повёл друзей к терему.

Семён увидел, что двор детинца забит дружиной и лошадьми. Князь собирает силы. Ванька заметил его удивление, кивнул.

— На это не смотри, собираем дружину помаленьку. Суздальцев видел на площади? А здесь с тысячу стародубцев — князь Иван на людей жаден, остальных держит при себе, да с полтысячи болгар.

— Булгар?

— Да, они же у нас, в Нижнем теперь и в Городце. Над ними князь Адавлет.

— Адавлет жив? — Семён удивился. Во истину, он обрёл прошлое. Слишком много дорогих ему людей здесь, на Владимирщине.

— Да. Он здесь. Увидишь. И Пётр Ослядюкович тоже, — Ванька, со смехом, подмигнул. — Здорово вы тогда ему засветили. Весь город смеялся. Наташку-то видел?

Семён улыбнулся.

— Видел. Ты князю веда.

— А твои — Агафья и сыновья, в Новгороде. Рядом с Сысоем. Сысой большой воевода Новгородский. Он и Серьгу пригред у себя. Нигде не пропадают наши!

Они поднимались по скрипучим ступеням на резное крыльцо княжеского терема. Напоминание о семье сделало Семёна задумчивым. Сысой, Агафья, сыновья. Уж, поди, и не помнят отца. Эх, судьба. Неужели, когда-то у него всё было хорошо?! А он не ценил... Только потеряв, понял, каким

богатством, каким счастьем обладал!

–Про отца моего ничего не слышал?

–Жив. Да ты у Адавлета спроси. Он дня три, как из Нижнего.

Они вошли в тепло терема. Тускло горели свечи, чадая в спёртом воздухе. Пахло кислой кожей и прелым тряпьем. По тесному коридору прошли к гридне. Ванька ушёл докладывать. Его долго не было. Караульный косил взгляд. Наконец, Ванька появился, хмыкнул:

–Все языки от удивления проглотили. Проходите, ждёт.

Семён и Микула стянули шапки, пригладили волосы и бороды, шагнули в гридню, хорошо освещённую, богато убранную мехами и резной мебелью. Семён увидел князя Юрия, его сына Мстислава, подлец Ослядюковича, похожего на надувшегося снегиря, многих воевод, которых не знал, один, кажется, Жирослав – важный стал, подле князя.

Семён и Микула поклонились.

–Здравствуй, великий князь!

–Здравствуйте, – Юрий взгляделся в обветренные лица своих давних слуг, нашедших приют далеко на юге из-за произвола другого слуги. Он скосил глаза на Петра Ослядюковича. Тот был угрюм. – Зачем пожаловали, мои бывшие воеводы?

–Мы и теперь в твоей власти, княже, – сказал Семён.

–Надоело Михаилу служить? – ухмыльнулся Юрий.

–Мы оказались у него не своей волей.

—Ладно. То дело давнее. Теперь зачем у меня?

—Из Чернигова мы с дружиной князя Ингваря отправились в помощь Рязани, княже.

Юрий заёрзал на троне – значит, даже Михаил послал рязанцам помощь, а он, Юрий, великий князь Суздали, бросил своих слуг на татарское поругание. Стало неуютно, и тут же больно за сыновей – как там на границах, пойдут татары на Коломну или успокоятся, разорив Рязань? Переживания не давали покоя ни днём, ни ночью.

—Войско рязанцев разбито, все города полностью разрушены, сожжены. Рязань – пустое место, пепелище. Все рязанцы мертвы. И тысячи живых не наберётся. Нас было тысяча семьсот, когда мы нагнали татар, стали рубиться, в живых осталось с десятков.

—Их очень много?

—Говорят, много. Войско Батые пошло на Коломну, оттуда – пойдёт в Суздальскую землю, князь. Мы с Микулой ехали через лес, напрямик, чтобы тебя предупредить.

—Всё это знаю. Готовлюсь. В Коломне стоят наши дружины, основное войско скоро соберётся.

Семён с Микулой стояли посреди гридни недвижимо. Все молчали.

—Много ли наслужил у Михаила, Микула? – вдруг, спросил князь, кривя усмешку.

—На Батые пять сотен вёл, княже.

—Поумнел, значит. Ладно. Говорите, в моей воле. Так и

быть. Людей вам не дам. Простыми дружинниками пойдёте за Суздаль постоять?

Семёну было всё равно. Он глянул на Микулу, тот кивнул. Семён ответил за обоих:

—Мы готовы, княже.

—Вот и прекрасно. Место в тереме есть. Иван вас определит. Отдыхайте. А с утра на службу.

Микула и Семён поклонились. Из гридни пошли в трапезную. Ванька всё рассказывал о здешнем житье–бытье. От пережитого и сытной еды захотелось спать. Семён чувствовал, как горели огнём лицо и уши, словно от хмельного, вспомнил встречу с Натальей, её губы, её слова, её неутешные слёзы, когда рассказал о Рязани. Наверняка, Евмен убит. Завтра он обязательно увидит её.

Микула незаметно исчез. Семён усмехнулся, вспомнил, как он страдал по оставленной зазнобе, видно, побежал искать. Только прошлого не вернёшь. И не исправишь – оно монолит...

<< >> >> >> >> >> >>

Мстя за гибель Кулкана и упорство, Бату велел всё живое в Коломне придать смерти. Пока тумены штурмовали укрепления, другую часть войска он послал в погоню за отступающими москвичами.

Остатки московской дружины едва успели вернуться в го-

род, как выставленные в лесу дозоры донесли: «Показались татары!».

—И что, князь, будем оборонять город или бросим? — спросил у обессиленного Владимира Филипп Нянка.

—Отцу нужно время, чтобы собрать все дружины в кулак. Думаю, есть смысл отбиваться, — устало ответил Владимир. Пережитая битва, поражение, кровь и бессилие перед многочисленным врагом убрали давний страх смерти куда-то далеко, в самую глубь, и теперь, кроме отрешённой готовности принять то, что уготовано судьбой, ничего не было в нём.

Оборонять маленькую Москву, не имеющую валов и рва (враги свободно подойдут прямо к стенам) было невозможно. Нянка это понимал. Он приказал бабам и ребятишкам уйти подальше в лес, но осуществить задуманное не успел — татарская тысяча встала под городом, перекрыв ворота. Татары не полезли сразу на стены, стали дожидаться подхода туменов авангарда

Владимир из-под Коломны привёл воинов меньше половины, чем уводил, крепость была обречена. Было больно смотреть на забитые до отказа склады: зерно, рыба, замороженное мясо, соль — основная база снабжения суздальских дружин. Воевода велел обложить склады соломой — если от Юрия не придёт помощь (а она не придёт, тут иллюзий не было), склады сожгут.

Детей и баб согнали в центр городка, дома облили водой, улицы перегородили завалами. И Нянка, и Владимир пони-

мали, что с горсткой воинов не удержат стен, а на завалах, в узких улочках держаться, какое-то время, было можно.

Нянка советовал княжичу уехать, ибо крепость всё равно падёт, даже предлагал сделать отвлекающую вылазку, чтобы Владимир мог незаметно выскользнуть, но тот отказался, выслав только гонца к отцу с вестью о поражении под Коломной и блокаде Москвы татарским отрядом.

Татары пытались уговорить сдаться без боя. Нянка приказал обстрелять их. Больше попыток договориться враги не предпринимали.

Встав лагерем у ворот, их отряды сновали по округе, пригоняя в лагерь пленных смердов и баб, которых тут же насиловали, а потом гнали рубить лес, подступающий к городку. Пригнанный скот резали. Дым костров уходил в морозную высь.

Когда подошёл передовой тумен, татары, вдруг, сбросили беспечность и, спешившись, полезли на стены.

Нянка собрал все силы на участке штурма, а князь Владимир и конная сотня метались вдоль стен, готовые пресечь удар с тыла, если татары полезут с другой стороны.

День кончился. Ночь была тревожна, но тиха.

Весь следующий день татары вяло обстреливали стены, не штурмуя.

—Чего они ждут? — удивлялся Владимир, глядя на спокойствие врагов.

—Не понимаю. Может, ждут подхода новых сил? Окружат

и разом сдавят, — нянка сжал кулак, потом тряхнул головой. — Пойдём, князь, отдыхать. Скоро будет жарко, успеем на морозе настояться.

Ночью Владимира подняли — татары полезли на стены. Стоял дикий рёв тысяч глоток, тучи стрел прошивали округу. Из-за стен полетели пылающие горшки с нефтью.

— Вот чего они ждали! — кричал Владимиру Нянка. — Сжечь нас хотят. Малой кровью хотят! А ну, ребята, туши! Пожар мы сами устроим, когда время придёт!

Ночной штурм был отбит, а днём татары отсыпались, давая передышку и москвичам.

Нянка, усмехаясь, следил за татарским скопищем.

— А татар прибывает. Думаю, скоро они с нами разделаются. Уже три дня отбиваемся.

Владимир был рядом, смотрел на бунчуки тысяч и сотен. Пленные смерды вели широкую просеку от города на север. Как он и думал, готовят дорогу для конницы через лес на Клязьму, а там по реке татарам прямой путь на Владимир. Успел ли отец собрать княжеские дружины и ополчение?

Никогда не видела Суздальская земля нашествия чужих полчищ, а теперь выпало. И нет сил победить, только умереть, дорого продав свою жизнь.

Впечатление от Коломенского поражения, до сих пор, давило на Владимира. Эта бесконечность Батыевых полчищ, убивали волю к сопротивлению, но другого не оставалось, потому и не бросил Москву, оставшись на смерть.

Подошли новые татарские рати. Всё в раз переменялось – враги пошли на приступ. С визгом пробежав простреливаемую со стен, ровную поляну, приставили штурмовые лестницы. В город полетели сотни горящих горшков, запылали дома.

Владимир понял: конец! Филиппу прокричал: « Сам Батый пришёл! Теперь повеселимся!».

К воротам подогнали укрытый щитами таран, начались глухие сотрясающие удары. Воины, погибая под градом стрел, опрокинули сверху чан кипящей смолы и подожгли – таран запылал, татары разбежались. Но в других местах русских сбили со стен.

Было уже темно, когда рубка кончилась на завалах среди домов. Нянка велел поджечь склады, и они загудели огненной стеной – татары отступили.

Защитники сбились за облитыми водой, заледенелыми завалами, готовясь к последнему бою. Но ночь прошла в тишине. Город пылал.

На пятый день татары тихо подошли к завалам и налетели на обессиленных москвичей.

Куда ни глянь, везде были враги. Владимир рубил и рубил, отступая, в море огня и гари. Упал Нянка, истекающий кровью. Татары были и сзади, и спереди. Страшный удар разломил голову, повергая в черноту...

Бату смотрел на широкую просеку, вырубленную хаша-

ром. Осадные орудия, скрипя полозьями, уходили на север. Тумены, один за другим, медленно валили от сгоревшей Москвы. Медленно, очень медленно. Бату не ожидал, что поход будет затяжным, и начало его обескураживало – его неповоротливое войско проходило в день не больше двух фарсахов. Кругом были непроходимые леса, глубокие сугробы, лошади голодали. В Москве пожить не удалось – всё сгорело. А он рассчитывал на запасы сена и овса. Проклятые, настырные орусуты! Они всё больше бесили его, и он чаще, нет, всегда, велел убивать, убивать всех, но злость и досада не уходили.

Москву обрнял сын князя Юрия Владимир. К Бату принесли его тело, холодное, обмороженное, в чёрной, смёрзшейся крови. Бату, не слезая с седла, долго всматривался в лицо молодого орусутского князя. Ему показалось, что у Владимира дрогнуло веко.

—Он жив.

Туленгит склонился над князем, долго слушал сердце, оттянул веки.

—Жив, великий хан.

—Это хорошо. Отнесите его к лекарю.

Бату тронул коня, и поскакал по глубоким сугробам к движущемуся войску – на Владимир...

<< >> >> >> >> >>

Всеволод вывел из-под Коломны остатки владимирской дружины, не зная толком, сколько воинов спаслось. В голове зудела одна мысль: «Всё кончено!». Он боялся увидеть отца, боялся взглянуть на мать и жену. Битва у Коломны до сих пор пропитывала его ужасом – он впервые видел таких многочисленных, самоуверенных, жестоких врагов. Он уже не верил в возможность победы над ними. Но спасительная мысль уговаривала, что они не пойдут на Суздаль, как обещали Юрию послы, а битву можно будет списать на рязанцев. Но пугал брат Владимир – москвичи, преследуемые конницей, уходили по московской дороге, а не через лес. Жив ли он?

Смерть Еремея ужасала. Не верилось в возможность виденного – какие-то неведомые агаряне пришли на русскую землю, своевольствуют сверх всякой меры, сеют смерть и муки. Прав епископ Митрофан, внушая о гневе божьем на русских князей – распри, несогласие, корыстолюбие. Вот и наказание. Разве можно сопротивляться божьему гневу? Абсурд. Отец этого ещё не понял, потому сейчас разбитые дружины, голодные, обмороженные, продираются через леса к Владимиру, и он, Всеволод, среди них...

Известие о поражении нашло Юрия с первыми беглецами. А воины шли и шли, усталые, голодные, похожие на обезумевших животных. Юрий спрашивал о сыновьях. Ему говорили, что князья были живы, когда разбитое войско раз-

бегалось под татарскими ударами, говорили только о гибели рязанского князя Романа и воеводы Еремея.

Пётр Ослядюкович был понурым, узнав о смерти боевого соратника. Юрий тоже долго не мог унять тревожного стука сердца – вот и до него добралась беда – его слуги гибнут на границах, его дружины, окровавленные и не способные к новым битвам, спасаются в промёрзших лесах, словно звери. А нового войска собрать всё никак не удаётся.

Он рассчитывал стянуть в кулак все силы подвластных князей, а вышло по иному – во Владимире скопились смерды с деревень вокруг Суздаля, тысяча из Стародуба, полтысячи болгар из Нижнего Новгорода, Святослав привёл из Юрьева–Польского и Переяславльщины около шести тысяч, а вот сыновья Константина обособились, собрали со своих княжеств до десяти тысяч воинов в Ярославле и уходить в Волги не торопились. Брат Иван большую часть ополчения оставил в Стародубе, а Ярослав, вообще, гонцов не слушает, нашёл время разыгрывать гордыню!

Юрий знал, что при усердии, Ярослав мог собрать с Новгородских земель до двадцати тысяч воинов. Конечно, для обороны западных границ он отбрасывал тысяч пять–шесть, значит, оставалось пятнадцать. Они были нужны позарез.

Воеводы Юрия говорили, что суздальских полков можно собрать до сорока тысяч. С такими силами с татарами воевать по силам. Но не выходит. Зимой пришли, проклятые, зимой. Не успел Юрий наладить связь с Ростиславом

Смоленским, Даниилом Волынским и Михаилом Киевским. Словно предвидели, что быстрота удара поможет избежать объединения дружин великих княжеств. По словам прибежавших воинов, татары осаждали Коломну и двигались к Москве. Да что говорить о договоре с другими княжествами, коли свои князья не ведают, что творят, не усиливают друг друга, стягивая дружины в кулак, а дробят и без того малое.

Юрий много времени проводил за городом, на Клязьме, высматривая среди выбредающих из леса воинов сыновей. Наконец, узнал в одном всаднике Всеволода. К нему навстречу, через реку, полетел возок. Княжича сняли с лошади – он уже не мог шевелиться, в конец обмороженный, уложили в сани, укутав волчьей шубой.

Княгиня Агафья, увидев раскрасневшегося от жара, больного Всеволода, среди подушек, в душевной княжеской светлице, упала на пол, целовала горячие руки сына, плакала в голос. Юрий смотрел с состраданием.

Всеволода два дня отпаривали, пока он не пошёл на поправку. У всех отлегло – выживет.

Юрий собрал княжеский совет. Жирослав доложил – Всеволод «вывел» из-под Коломны около шести тысяч больных, обессиленных людей, которых надо ещё лечить, чтобы они опять стали воинами.

Потом примчался гонец от Владимира. Это был удар – он остался в Москве на верную гибель. И тут же повалили толпы селян – татарская махина ползёт по Клязьме, выжигая

деревни.

Юрий не решился сказать жене о падении Москвы, лучше, если она узнает о гибели младшего сына, как можно позже, а что Владимир погиб, сомнений не было – не в его характере было прятаться за спины других.

Юрий не знал, что делать – остаться у своей столицы, торопя приход Константиновичей, или, бросив город, вывезя семью в укромное место, самому идти на соединение с племянниками? Он часы проводил на стенах, наблюдая за лихорадочным приготовлением города к обороне, и в душе всё протестовало – разве он может бросить своих людей на гибель? Если придётся уходить, семью он оставит в городе, вместе со свежими силами, с собой уведёт только больных, которые успеют оправиться в дороге и усилят волжское войско.

На княжеском совете, Пётр Ослядюкович убеждал торопить племянников, основные силы отвести к Юрьеву и там ждать, а город оставить на попечение сыновей и его – верного воеводу: «Тогда поганые будут знать, что твои силы рядом, и атаковать столицу, не решатся. А, тем временем, подойдут князья Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи».

В этом был резон, но Юрий задавался вопросом: «А, вдруг, они не придут?». И всё больше приходил к решению, самому идти на соединение в Ярославль.

Владимир был хорошо укреплённым городом – с юга ре-

ка Клязьма, с севера и востока – Лыбедь, высокие валы и крепкие стены, надвратные башни. С запада город был открыт – огромное поле, словно специально для битв, но на этом направлении стояли белокаменные «золотые» ворота, разрушить которые было не по силам никому, даже нечистой силе. Внутри города располагались валы и стены Монахова города, за ними крепкие стены детинца. Владимир к обороне был готов. И Юрий решил уходить. О том огласил на совете.

Вотчинники и сыновья долго переваривали услышанное, но перечить не решились. Всё командование в городе Юрий отдал Петру Ослядюковичу, Жирослава забрал с собой.

Когда князь уводил небоеспособную дружину, еле оторвав от сердца плачущую Агафью, все улицы были забиты безмолвным народом – словно он оставлял их на смерть, и сердце великого князя щемило: правильно ли делает? Он взглянул на Жирослава и утвердился: «Правильно!».

Когда восьмитысячное войско ушло из города, ворота наглухо затворились. Тридцатитысячный Владимир с десяти тысячным гарнизоном замер в тревожном оцепенении.

Третьего февраля 1238 года с Клязьмы показались чёрные орды татарских всадников.

–Татары-ы-ы-ы-ы!!! – раздирая глотку, закричал дозор-
ный.

<< >> >> >> >> >> >>

Пётр Ослядюкович поперхнулся похлёбкой, расплескал суп на штаны, стал быстро утираться рушником. Сидевшие с ним за столом Семён и Микула застыли с раскрытыми ртами. Наталья охнула и умчалась к себе.

Перед этим, первый воевода, смилив гордыню (вернулся ведь проклятый Спиридоновский выродок, и тут же к Наташке!), позвал Семёна к себе в усадьбу (тот пришёл с бездельником Микулой), усадил за стол, позвал Наталью, и начал говорить, говорить, приводя все «за» и «против»: да, Наталья вдова – это всем ясно, да, они любят друг друга, но у Семёна жена и сыновья, как он с этим будет, как? Пётр Ослядюкович хотел, чтобы Семён понял невозможность отношений с Натальей, чтобы при ней признал это.

После сурового разговора, с виду доброжелательного и открытого, Семён заёрзал, не смея глянуть на Наталью, а она, красная, сидела ни живая, ни мёртвая. Только Микула спокойно жрал, громко чавкая. Напряжённая тишина висела, и Пётр Ослядюкович понимал, что выиграл. Он принялся за похлёбку. Тут-то и вбежал холоп:

–Татары!

–Геть, раб! Замолчи! – рассердился воевода. –Орёшь, как оглашённый!

–Татары валят!

Пётр Ослядюкович глянул на Семёна.

–В другой раз договорим.

Быстро собравшись, вскочили в сёдла, горяча коней, по-

мчались по, вдруг умершим, холодным улицам к «Золотым» воротам. Там всё гудело растревоженным ульем.

—Где князя? — соскакивая с коня, спросил Пётр Ослядюкович у подхватившего повод Ваньки.

—В башне. Татары перед воротами беснуются.

Пётр Ослядюкович уверенно зашепшил, расталкивая воинов, по лестнице на верхнюю площадку надвратной башни. Семён и Микула бежали следом — их не удерживали.

Всеволод и Мстислав, в кольчугах и шлемах, увидев Петра Ослядюковича, отодвинулись, дав место у широкой бойницы.

—Сдачи требуют, — процедил Мстислав.

Татары горячили лошадей у самых ворот. Их было около десятка.

Один из них надсадно орал:

—Эй, сдавайтесь! Хан Бату простит вам вашу гордыню!

—Русские не сдаются! — звонким голосом прокричал вниз Мстислав.

—Рязанские князя так говорили, где они теперь? И Рязань, и Москву мы взяли! А ваш князь где, Юрий? Его ведь мы убили, а войско ваше уже разбито! Не упорствуйте! У вас нет шансов! Иначе, хан Бату разгневается, и тогда вы все умрёте!

Князя напряжённо посмотрели на Петра Ослядюковича. Тот отмахнулся:

—Они наврут! Ишь, чего захотели, Владимир им сдай за

там, столпившимся на башне. Подвезли Владимира. Он сам придумал этот трюк – привезти княжича к воротам. Орусы или потеряют волю, начнут торговаться, спорить между собой (а где раздоры, там всегда выигрывает третий) или отворят ворота и пустят конницу на татарский десяток, чтобы отбить князя. Тогда его самые быстрые всадники успеют поднестись к воротам, завяжется бой и, на плечах отступающих, воины ворвутся в город. Взять богатый Владимир с хода – это был бы большой успех! А десять невнимательных нукеров у ворот, самые лучшие рубаки, они-то продержатся до подхода конницы. Бату страстно желал этого, и ему показалось, что ворота чуть-чуть сдвинулись.

Мускулы Бату напряглись.

С бойниц башни посыпались стрелы. Нукеры падали под копыта лошадей. Ах, шайтаны, он не думал, что сначала орусы расстреляют всадников! Но один, всё же, успел рубануть князя – тот кулём свалился в снег.

Бату оглянулся на тёмников, махнул рукой, чтобы тумены взяли город в кольцо. Придётся штурмовать. Теперь сомнений не было. Беспокоило другое – князь Юрий был где-то рядом, копил силы. Пленные рассказали, что Юрий не успел собрать ополчение со всех своих городов, но это могло быть хитростью. Бату не верил орусам. Слишком они яростны в своём непокорстве.

– Хан, – Берке чуть склонил голову. – Туаджи доносят, совсем рядом большой город Суздаль. Там, вообще, нет вои-

нов. Его можно взять с хода и привести оттуда хашар для осады.

–Хорошо. Твой тумен возьмёт Суздаль и вернётся с хашаром обратно. И разошли дозоры, надо узнать, где Юрий с основным войском. Я не хочу получить удар в спину, когда мы будем на стенах Владимира.

Бату огляделся, нашёл глазами Аяна.

–Поедешь с Берке! Дозоры – твоя забота.

Берке оскалился Аяну в лицо, обнажив жёлтые, корявые зубы. Снова судьба смеётся над Аяном. Он зажмурился. Он не будет сам убивать внука Чингисхана. Судьба накажет Берке чужими руками. Не зря Аян видел Семёна срепди отпущенных восвояси орусутских воинов. Ничего на этом свете не происходит просто так. Он был уверен – его пути ещё пересекутся с орусутом, вот тогда он и направит его руку – Семён убьёт Берке, а Аян убьёт Семёна. Аян сохранит благоволение Бату, сохранит честь своих детей и положение. Он не может отказаться от того, чего достиг, даже ради погибшего брата...

Войско обтекало город со всех сторон, перешло на северный берег Лыбеди. Тут и там вставали шатры тёмников и тысячников. По Клязьме подтягивались многочисленные пороки и катапульты.

Тумен Берке, по льду Клязьмы, устремился прочь от города. Суздаль стоял в четырех фарсах к северу. Но тумен не был отягощён обозом и осадными орудиями, потому Бер-

ке рассчитывал утром следующего дня уже быть у стен Суздаля.

В месте впадения в Клязьму реки Нерли, свернули на неё – прямая дорога на север.

К уже привычным орусутским морозам, прибавился злой, колючий ветер, продирающий до самого сердца.

– В суровой стране живут орусуты, – посмеиваясь, сказал Аяну Берке.

Тот был сосредоточенно спокоен. Мех малахая вокруг лица покрыт инеем, лицо огненно-красное. Берке поражался выдержке Аяна – ведь знает, что он, внук Чингисхана, повинен в смерти его брата и невестки, а прячет ненависть далеко вглубь, ненавидит, но верен, как собака – настоящий монгол. Не потому ли Аяну благоволит Бату?

Берке усмехнулся. Бату во всём стремился подражать Чингисхану. Хочет доказать всем, что он лучше Джучи и по праву владеет улусом. Что ж, пусть пыжится. Берке не против. Только, когда приспичит, бежит к нему, к Берке, за советом.

Берке ещё раз взглянул на едущего рядом Аяна. Да, он достоин поддержки. А разве Берке не благоволит ему? То же благоволит. Но бывают мгновения, когда Аян пугает. Как сейчас.

У Аяна был пустой взгляд, и Берке, краем глаза, заметил, что тот исподтишка наблюдает за ним. От этого стало не по себе.

–Ты что смотришь на меня, как голодный волк на овцу? – вроде шутя, но грозно, спросил Берке.

Аян, не отвечая, стегнул свою лошадь плетью и прибавил ходу, показывая спину.

Вот в такие моменты Берке приходила мысль приказать туленгиту пристрелить Аяна орусутской стрелой. Но что-то удерживало. Не бесстрашие – Берке также боялся смерти, как любой человек, а эдакое игривое чувство постоянной опасности, исходящее от близости Аяна. Щекочет нервы.

Тумен шёл без передышки. Воины жевали сухой хурут, ночью спали в сёдлах на ходу. Утром вышли по льду реки Каменки к Суздалю.

Перед городом, с одной стороны, был замёрзший ров, а с трёх сторон замезшая, извилистая Каменка. Ворота Суздаля были заперты, на деревянных стенах, между частоколом бревен видны были затаившиеся орусуты.

Берке осадил коня, разделил тумен на пять частей – по две тысячи, один отряд заставил спешиться, воины схватили привезённые с собой осадные лестницы и, под прикрытием лучников, устремились к стенам, два других отряда помчались по льду Каменки для удара с тыла, остальные рассыпались в направлении близких деревень.

Аян уехал, с двумя сотнями дозорных, отправив разъезды на север, восток и запад. За спиной поднялся визг и вой штурма, звон мечей, стоны умирающих.

Аяну доложили, что впереди орусутская деревня. Туда,

проваливаясь лошадьми по брюхо в снегу, понеслась полусотня и громкий бабий ор донёс до ушей оставшихся рядом с Аяном воинов начало погрома. Воины с завистью похахатывали, но Аян делал дело – они ехали дальше по узкой, лесной дороге.

Когда солнце склонилось к закату, поворотили обратно. Разъезда возвращались ни с чем – о князе Юрии никто не слышал. С разгромленных, горящих деревень воины гнали скот и пленников – мужиков, баб (детей секли сразу, чтобы не обременяли).

У Суздаля, полыхающего в разных местах, распоряжался Берке, восседающий на куче мехов, окружённый тысячниками. Воины тащили из города добро, набивали седельные сумы, насиловали женщин и девок, сгоняли в толпу жителей, пригодных для осадных работ. Сотники выпрашивали орусутов, кто знает толк в ремесле и искусстве, их тут же отводили к шатру Берке – монгольские нойоны ценили умельцев. Берке будет их беречь, постарается вывести из Руси живыми, чтобы потом они остаток жизни, за кусок хлеба, изнемогали в рабских мастерских.

На территории улуса Чагатая стояли рабские центры Самарканд и Бухара, где десятки тысяч мастеров, согнанные в огромные глинобитные бараки, трудились от зари до зари, создавая ценности, которые уходили в Каракорум к великому хану Угедэю, в ставки Чагатая, Тулуя, кое– что перепало Бату и его братьям. Потому Берке, во время похода на

булгар, убедил Бату организовать такой же центр на месте сгоревшего Булгара. Там теперь распоряжался младший сын Джучи – Бувал. Город отстроили руками пленных, согнанных с покорённых земель. Со всей Булгарии собрали мастеров в огромные мастерские. Туда же погонят всех орусутских умельцев. Созданное в Булгаре братья будут оставлять себе, потому и Берке, и Бату, и Орда, и Шибан ревностно выискивали мастеровых. Даже гневаясь на Рязань, Бату «поощадил» ремесленников и отправил в Булгарию.

В быстро опустившейся ночи, освещая дорогу факелами, трещащими на морозе, тумен, отягощённый награбленным и огромный, до десяти тысяч, хашаром, повернул обратно. Берке торопил тысячников – Бату ждал хашар для начала осады Владимира. Шли не останавливаясь, но всё равно медленно. К столице Суздальского княжества вышли только к вечеру следующего дня.

Тумен расположился на отдых, а хашар тут же заставили рубить лес. Стук топоров раздавался всю ночь.

Утром владимирцы с оцепенением обнаружили вокруг города бревенчатые стены острога – татары устроили ловушку – теперь никто не сможет избежать смерти и плена...

<< >> >> >> >> >>

Пётр Ослядюкович больше не уходил со стен. Князя Всеволод и Мстислав, потрясённые гибелью брата, убрались в

детинец и не показывались из терема, молясь и плача вместе с матерью и жёнами. Епископ Митрофан и служки не отходили от княжеской семьи.

—Нет сил противиться божьему гневу! Нет! — кричал в испуге Митрофан, а князья испугано смотрели ему в рот, плача от жалости к себе...

Семён пытался поговорить с Натальей, но та твердила одно: «Отец прав, прав», и не слушала его. Кипя негодованием, он вернулся на стены, где давно уже шла перестрелка из луков. Микулы не было. Ваньки не было. Над головой пролетели горящие горшки с нефтью, дома у стен горели, их пытались тушить бабы и дети. Огромные глыбы крушили стены. От ударов сотрясалось всё вокруг. Брёвна разлетались, оседала земля.

Напряжение нарастало.

Семёна толкнули в спину — Пётр Ослядюкович.

—Какой сегодня день?

—Что? — не расслышал Семён.

—Какой день, спрашиваю?!

Глыба врезалась совсем рядом, все повалились на настилы. Стена посыпалась у самых «Золотых» ворот. Дружинники, крича в ужасе, бросились к образовавшемуся пролому, устремляя вперёд длинные копья.

—Сегодня суббота! Шестое февраля! — крикнул Семён.

—Почему? — Пётр Ослядюкович уже убегал к провалу.

Семён посмотрел за спину — к стенам подошли булгары,

готовые отбивать натиск. Он узнал Адавлета – измученного, больного.

–Адавлет!

Булгарский князь поднял голову, сразу узнал Семёна, замахал рукой.

–Идут! Идут! – пронеслось по стенам, и тут же новые удары глыб сотрясли стены.

Лучники заработали, в бешеном ритме опорожня колчаны. Но, вдруг, луки опустились.

Из дыма, укрывающего округу, ко рву вышли кричащие, плачущие толпы пленников. Каждый нёс вязанку хвороста. Они начали забрасывать ров.

Защитников сковало оцепенение.

–Что смотрите?! – заорал Пётр Ослядюкович. – Поджигай хворост!

Со стен в хворост полетели факелы и обмотанные горячей паклей стрелы. Но хворост чадил и не загорался.

–Они бросают мокрый лес! Они полили его водой! – кричали лучники.

–Стреляйте по людям! – иступлёно заорал Пётр Ослядюкович.

Пленники завывали в голос, татары хлестали их плетьюми, то-ропя, но со стен вновь обрушился град стрел. Русские убивали русских. Пленные падали, но татары гнали всё новых и новых, и ров у пролома неумолимо заполнялся.

С визгом татары кинулись в пролом. С обратной стороны

скопилось несколько тысяч защитников. Отчаянная рубка не прекращалась до ночи.

В морозной темноте татары отступили.

Воины изнемогали от усталости, голода и жажды. Многие ушли со стен отдыхать. Семён хотел найти Адавлета, расспросить об отце, но не найдя, уснул у тлеющих останков избу.

Пожары полыхали в разных частях города. Пороки работали всю ночь, обвалив стены в нескольких местах Нового города, в темноте хашар заваливал рвы.

Пётр Ослядюкович ушёл к князьям. В Успенском соборе шла служба – Митрофан постригал княгинь и князей в монахи.

–Примем кару господнюю! Смирение к гневу господа нашего, посланного за грехи наши, даст нам искупление!

Семён, вдруг, открыл глаза и сел – он промёрз до самых костей. Вверху висело чёрное небо, но из-за дыма не было видно звёзд. А на стенах уже яростно ревели, звенел металл, толпились люди – татары лезли в проломы.

Откуда-то вынырнул изумлённый Микула с двумя мечами в посиневших от холода руках.

–Ты не ранен? Рукавицы утерял, пальцы не сгибаются, вмёрзли в рукоятки. Пожрать бы чего.

Семён сбросил оцепенение, выхватил меч из ножен, и побежал к пролому у церкви Спаса за «Золотыми» воротами – там отступали болгары, под градом ударов напирающего

врага.

Небо стремительно светлело. Было тепло от горящих домов. Семён рубился в тесноте, потом уступил место копейщикам. Он не успел перевести дух, как русские, крича и матерясь, побежали от стен – татары ворвались в город со стороны Лыбеди, через проломы у Ирининых и Медяных ворот, а с юга – через провалившиеся Волжские ворота.

Бой кипел в пожарище, но большинство защитников бессмысленно бегали, словно сойдя с ума.

–Где воевода?! Где?! Где князя?!

Все метались испуганным стадом. Вокруг уже было полно конных врагов.

Семён бросил рубиться и кинулся к валам Среднего города – там можно было задержать татар. Солнце тускло светило в зените – полдень. На валах никого не было. В воротах толпились убегающие. Семён продрался в Монахов город, побежал по улицам, миновал площадь у открытых ворот детинца – в Рождественском монастыре выли в голос. Ему навстречу неслись конные дружинники. А в голове было одно – спасти Наталью! Она в усадьбе Петра Ослядюковича, её нужно успеть спрятать за каменными стенами детинца.

Запыхавшись, он остановился у запертых ворот усадьбы, застучал ногами и руками.

–Наташа!!! Наташа!!!

Она выскочила в распахнутой шубе, без платка. Глаза горели испугом.

луэт сидящего человека.

–Здравствуй, Семён.

–Где я? – прохрипел Семён, приподнимаясь.

Человек рассмеялся.

«Монгол», – понял Семён.

–У друга.

Человек наклонился к очагу, и Семён увидел в красном свете лицо Аяна.

–Забыл меня?

–Помню. Брата мне помог спасти. Михаила.

–Как он?

–Умер.

–О-о. Но твой товарищ здесь.

–Микула?

–Он. И твоя жена.

–Жена?

–Та светловолосая пери.

–Наталья?

–На-та-лия. Красивое имя. И она красивая.

–Почему ты спас меня, Аян?

Монгол долго молчал, покачиваясь взад– вперёд.

–Хочу покарать врага твоими руками.

–Кого?

–Не бойся, не русского. Монгола. Укажу. Его убьёшь.

–Зачем мне это?

–У тебя нет выбора.

–Выбор всегда есть. Ты говорил мне, тогда, в Руме, что монголы не мыслят воевать с Русью, но вы тут, земля моя горит, народ мой гибнет. Помогать я тебе не буду. Можешь казнить.

Аян сухо посмеялся.

–Орусуты не понимают доброго отношения. Эй, караульный!

В шатёр заглянул покрытый инеем туленгит. Аян указал на пленника.

–Выбросить на мороз.

В шатёр вбежали воины, пнули Семёна влицо, подхватили под руки. Его вылокли на улицу, бросили в снег. Вокруг стояли юрты, бродили караульные – городская площадь. Крики и вопли с окраин оглашали морозную тишину – насилие и казни не прекращались даже ночью. Чёрный от копоти Успенский собор стоял с настежь распахнутыми воротами, в него входили и выходили татары, таская утварь. Чуть в стороне лежали тела задохнувшихся в храме княгинь, служек, вотчинников.

Семёна начала колотить дрожь. Постанывая, он сел, сжался. Он замёрзнет. Такая ему смерть. А в глазах стояла Гашка, забытая жена с сыновьями, словно выписанная на иконе.

Перед Аяном бросили белого, дымящегося холодом, пленника. Он подтащил его к очагу.

–Упорный орусут, плохой орусут.

Сначала орусут не шевелился, но потом начал приходить

в себя.

«Просто так ты не подохнешь. Я вытащил тебя из ада не для того, чтобы заморозить», – зло размышлял Аян, наблюдая, как бьёт дрожью согревающегося.

Через час, когда рассвело, Семён осмысленно посмотрел Аяну в лицо.

–Я не хочу причинять тебе боль, Семён. Но пойми меня. Тогда, в Руме, ты клялся, что будешь благодарен мне за спасение твоего брата. Теперь я прошу того же – спаси моего брата. Убьёшь нашего нойона, спасёшь мне брата и тысячи жизней своих соплеменников – он умелый военачальник.

Семён упорно покачал головой.

–Врагам не помогаю.

–Значит, я враг. А мне казалось, мы до сих пор друзья. С врагами у нас поступают иначе.

Аян позвал туленгитов, велел скрутить Семёну руки за спиной, прижать его к полу, задрать голову, чтобы он мог видеть происходящее. В шатёр втокнули Наталью.

–Она заплатит за твоё упрямство.

Семён дёрнулся.

–Нет! Отпусти её! Отпусти! Слышишь?!

–А ну, скрутите её! – приказал Аян туленгитам.

Воины вцепились в молодую женщину, нагнули её головой к полу. Она завопила, что есть силы, задёргалась.

Аян усмехнулся. В нём пробудилось желание. Подойдя к женщине, он стремительно разорвал на ней одежду. Она кри-

чала, билась в сильных руках воинов. Хрипел и плакал, прижатый к полу, Семён.

Аян обхватил её за талию и стремительно вошёл в неё. Истома охватила, он начал лихорадочно бить своим телом, вколачивая твёрдый член в горячее лоно. Все вокруг слилось в страшный вопль горя. Эмоции рвали мозг. Он не выдержал, закричал, выплёскиваясь:

–Якши! Якши! Якши!

Бату отогнул полог шатра, шагнул внутрь и замер. Аян насиловал орусутку на глазах её мужа. Оглянувшись на Орду, повернул обратно. Молча стоял на улице, глядя на свои гутулы, потом велел подать коня. Долго ехали молча по покорённому, сожженному городу – воины посекли жителей, вынесли всё ценное, отогнали в обоз разумеющих в ремесле и годных для хашара, можно было идти дальше – грабить, убивать, насиловать. Бату посмотрел на старшего брата.

–Не таким был раньше Аян. Испортился.

–Это он у Берке штучек набрался, – буркнул Орда.

Через распахнутые «Золотые» ворота, выехали из города в поле. У шатра Бату коновязь была полна лошадей, туленгиты держали бунчуки тёмников и тысячников – на совете необходимо было решить, как действовать дальше. Предстояло найти и разбить основное войско орусутов, успеть захватить, как можно больше беззащитных городов до распутицы. Бату рассчитывал покончить с Суздалью ещё зимой, чтобы вывести перегруженное добычей войско без потерь.

Он слез с коня, бросив повод караульному, стремительно вошёл в шатёр. Все смотрели на него. Лица сосредоточены. У тысячников – взволнованные, у тёмников – ехидные и мало почтительные. Особенно у Гуюка и Бори. Две гремучие змеи на груди. Надо их развести, пусть поменьше общаются – так будет спокойнее.

Когда совет начался и многое прояснилось, все чингизиды единогласно высказались за войну, какую любил вести Чингисхан – быструю, маневрённую, с одновременными ударами в разных направлениях, благо силы это позволяли. Воинов было больше семидесяти тысяч, у Юрия в Ярославле (пленные орусуты рассказали, где искать великого князя) около пятнадцати– восемнадцати тысяч, между князьями сладу нет, и это хорошо – брат Юрия Ярослав собрал в Новгороде больше тумена воинов, но соединяться с великим князем не желает. Так было всегда – враги спорили между собой, вспоминали обиды, кичились самолюбием, когда было необходимо объединяться, и гибли под согласованными ударами монголов. Будет и теперь. Бату совершит задуманное – расправится с северными государствами орусотов ещё зимой, летом его войско отдохнёт, а следующей зимой он пройдёт огненным смерчем по югу, перевалит Карпаты и покорит Венгрию. Да, так будет, ибо он наследник и продолжатель славы своего деда. Ему будет скоро тридцать лет, как много времени у него впереди, как много великих дел он совершит – он выполнит наказ Чингисхана, данный отцу – по-

корить все земли на Западе. Так будет. И тогда его слава затмит славу деда!

Бату сбросил задумчивость. Субедей говорил, куда он считает необходимым направить основные удары. Бату не стал перечить – Субедей всю свою долгую жизнь вёл войны, пусть будет, как скажет он, победа, всё равно, зачтётся только Бату.

Войско разделили на четыре колонны. Первую, из одного тумена, доверили Берке – он пойдёт на Стародуб против князя Ивана, а оттуда – к богатым волжским городам Городцу и Костроме. Вторую, из трех туменов, нацеленную на Ярославль, против основного суздальского войска, поручили Орде, Бурундаю и Мунке. Третью против Переяславля из одного тумена Бату вручил вредине Гуюку – пусть воюет сам, как ему нравится. Остатки из растрёпанных полутуменов Бату, под своим руководством, решил вести на Новгород через забитый торговыми складами Волок – Ламский и Тверь.

– Как только войско будет готово к выступлению, мы начнем собирать плату за наше усердие и терпение. Пока мы только теряли. Около сорока тысяч потерь, нойоны, это меня вводит в задумчивость. Если и дальше так пойдёт, мы останемся без войска, и некому будет оборонять наши обозы, полные добытого добра.

Все рассмеялись шутке Бату, но, всё же, столь огромные потери настораживали.

После совета Бату остался с братьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.